

18+

Игорь Анфиногентов

ДОМ НА УЛИЦЕ НЕРАЗБИТЫХ ФОНАРЕЙ

Повесть

Игорь Анфиногентов

**Дом на улице Неразбитых
фонарей. Повесть**

«Издательские решения»

Анфиногентов И.

Дом на улице Неразбитых фонарей. Повесть / И. Анфиногентов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960365-4

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. С
момента написания прошло почти два десятка лет, но и сегодня терзают душу
справедливые сомнения: а стоит ли? Высказанные некогда мысли утратили
свежесть, от них веет прохладой осеннего парка, ароматом прелой листвы
и утраченных иллюзий. Впрочем, попытка не пытка. Итак, Казань, 90-е,
«казанский феномен»... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-960365-4

© Анфиногентов И.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дом на улице Неразбитых фонарей Повесть

Игорь Анфиногентов

© Игорь Анфиногентов, 2024

ISBN 978-5-4496-0365-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Москва не сразу строилась. Город Казань, впрочем, тоже не за один день. Когда один расшалившийся проказник брал его приступом, то спалил все вплоть до центральной Ратуши. Сама Ратуша выстояла, и позже городок пришлось отстраивать заново. Чем дальше от центра, тем современнее постройка. Там, где раньше вязли, всхлипывая по временам, болота и рыхлым грунтом чернели полигоны, теперь высятся панельные, кирпичные, бетонные многоэтажки.

Улица, на которой преимущественно происходили описанные далее события, носит гордое, да что там гордое – славное! имя Неразбитых Фонарей. Возводилась она в середине прошлого столетия. Есть на ней и пятиэтажные строения, выраставшие повсеместно во времена правления кукурузного короля, и девятиэтажные, длинные, словно поезд, дома, и гордо устремленные в небо стелы аж о 14-ти этажах. Дом №36 – как раз из разряда стел.

Улица Неразбитых Фонарей, как и остальные, не менее звучные улицы городка, живет своей жизнью. Городок в городке. Здесь есть свои, годами возводившиеся устои и традиции, жители улицы знают друг друга если и не по именам, то уж в лицо точно. Есть тут и свои знаменитости. Например, сосед Колька, пять лет назад порезавший по пьянке соседа Ваську, за что и отсидел свои кровные. Есть и элита. Представителей элиты уважительно называют по именам, стараются с ними подружиться или хотя бы познакомиться, чтобы потом, на какой-нибудь гулянке во все горло крикнуть зарвавшемуся нахалу: «Да ты что, я с самим... за руку здоровался!». И все, назревающий было конфликт исчерпан.

Элита заслуживает особого внимания. Обычно они всегда находятся в окружении себе подобных. На улицу без крепких кирпичнолицых парней с огромными кулаками никогда не выходят. Руководящие функции на правах все тех же олигархов местного пошиба выполняют весьма охотно. Заправляют обычно всем, начиная с торговых предприятий и заканчивая милицией и администрацией города. Да это, впрочем, и неудивительно: депутатские корочки открывают перед ними любые двери, по крайней мере, в своей вотчине.

У всяких выдающихся людей есть свои последователи и ученики. Так и у мелкопоместной элиты есть целые отряды, бригады и группы, состоящие преимущественно из молодежи. Иерархия наравне со строжайшей субординацией ставят элиту на недостижимый пьедестал для молодых. Волчата, посматривая на матерых волков, хищно щелкают челюстями и во всем стараются быть похожими на них, начиная с произношения некоторых, наиболее удачных слов и заканчивая приобретением дорогих, явно не по карману, атрибутов сладкой жизни.

Это неформальное объединение носит название одноименной улицы, на которой располагается. Жизнь и уклад сообщества находятся под непроницаемой завесой тайны, окруженной облаком романтики небывалой силы и притягательности. Именно оно, то самое розовое облако, и позволяет с каждым годом производить новые рекрутские наборы в сообщество. И только там, в самом центре событий, когда дурманивший туман несколько расходится, некоторые начинают осознавать, что как раз романтикой-то здесь и не пахнет. Нет ее, хоть ты тресни! Зато есть серая действительность, а еще суровый быт и подчас непосильный физический труд. Вкупе с многочисленными ограничениями уклад жизни в сообществе похож (уже можно смеяться!) на монастырский: курить новобранцам нельзя, алкоголь не приветствуется, наркота вне закона. Со временем, естественно, грани имеют обыкновение стираться, и то, что раньше было категорически нельзя, сейчас нередко бывает в порядке вещей. Могут и на девочек наложить

табу, и на азартные игры. Короче, ярмо подобной тяжести порой просто не под силу вынести. Кто-то с честью выдерживает все удары, не сгибаясь. Кто-то ломается. А если учесть, что основу контингента составляют неокрепшие еще в силу возраста умы, не имеющие никаких моральных и нравственных... Да что тут говорить о возвышенном, если сам факт существования ума, интеллекта как такового, зачастую под вопросом! Так или иначе, но свято место пусто не бывает. Всегда найдутся желающие сменить ветхую трикотажную курточку на кожаную, застиранные «трикошки» на дорогой спортивный костюм. И скромный серебряный крестик на шнурочке как по мановению волшебной палочки преобразается в массивный золотой, на золотой же «цепуре» в палец толщиной. Именно материальные блага более всего влекут мальчиков с отвисающими челюстями и узкими лбами из неблагополучных семей в расставленные умелыми руками тенета.

Как известно, в каждом правиле бывают исключения. Не обходится без них и в этой среде... Но не будем забегать вперед. История, изложенная далее, не имеет целью пополнить ряд неправдоподобных и неумелых пародий. Потому, и именно потому все, рассказанное в ней – непреложная истина. Посему скептики могут оставить свои горькие усмешки и восклицания при себе.

Итак, уважаемый читатель, предлагаю тебе перенестись на несколько лет назад, на улицы скромного провинциального городка. Ведь это только на первый взгляд кажется, что улицы бездушны. На самом деле там кипит жизнь, рушатся судьбы, и иногда даже свершаются революции!

Глава 1

Голова болела невыносимо. Именно из-за этой боли я и проснулся. Да еще пить хотелось – сушняк, понимаете ли. Первая попытка оторвать голову от подушки не увенчалась успехом. Пришлось сначала открыть один глаз и привыкать к дневному свету, который заботливо поливал комнату. Похоже, что уже давно за полдень. При этой мысли второй глаз открылся сам. Черт возьми! Проспал все на свете... Особенно неприятно от того, что я проворонил важную встречу. Конкуренты по стояночному бизнесу позарились на жалкий клочок земли, где вознамерились оборудовать очередную парковку для машин. Клочок этот, по моему разумению, им ни в коей мере не принадлежит. Посему предстояло урегулировать спорный вопрос в одном близлежащем кафе. Встреча в кафе предполагает мирное решение проблемы. Вот если бы где-нибудь на промзоне договорились, на одной из многочисленных строек или баз, тогда не исключена ссора, с последующим пролитием крови. И не важно, сколько крови в результате подобной встречи пролито – одна капля или море; конфликт, он ведь и в Африке конфликт, – это и стресс, и издержки, как материальные, так и моральные. Откуда такие дикие нравы?! Ведь не Сицилия же, в самом деле... А тут нет никакого феномена – в Казани любая стычка происходит несравнимо хлеще, чем на исторической родине Коза Ностры. Вернее, так называемый «казанский феномен» все же имел место, о нем много писали в свое время в прессе, но последние воспоминания о тех смутных временах давно канули в Лету.

Остается надеяться, что мои соратники все решили в нашу пользу. Позвонить бы надо, узнать, как все прошло. Но сначала – пить!!! Я собрал воедино ускользающие силы и принял сидячее положение. Уже лучше. Теперь надо настроиться на марафонский забег до кухни, и там, наконец, утолить жажду. Голова напрочь отказывается выполнять свои функции. Ничего, главное – чтобы ноги слушались. И угораздило же меня так напиться вчера! Хотя, если призадуматься, именно так я коротаю свободное время уже где-то около месяца, без перерыва. До этого попойки происходили гораздо реже, через день. Но, как говорится, не я такой – жизнь такая. Верное средство от головной боли – спиртное. А голова болит не только с похмелья, а и от накапливающихся проблем. Прямо мигрени накатывают, да и только. Так что пьем-с...

Господи, какой бред иногда в голове вертится... Я удержал рвущееся на волю сознание и встал-таки с дивана. Босыми ногами по паркету в сторону двери, так, теперь поворот, вот и коридор остался за спиной – все! Я на кухне! Открываю холодильник, хватаю упаковку с виноградным соком... Ооо, блаженство... Сок холодный, аж зубы ломит.

Итак, пришло время осмотреться. Часы на стене... Одна стрелка на тройке, другая – вертикально вверх. А еще одна, почти незаметная, несется куда-то вскачь, отсчитывая секунды чьей-то жизни...

Неужели уже три часа дня? Да, не ночи – точно. Значит, встреча состоялась часа этак два назад. Или не состоялась? Навязчивая мысль позвонить и узнать, стать в курсе событий, назойливой мухой вьется где-то рядом. Дотянувшись до телефона, набираю шестизначный номер, слушаю череду длинных гудков, потом набираю еще один, уже из одиннадцати цифр. Почти сразу, после первого сигнала, слышу уверенный голос лучшего друга и верного соратника Дани.

– Да!

– Дань, это я...

Ну почему голова так разламывается?

– Илюха, да ты че, попутал? Какого хера на стреле не был? – с неподдельным возмущением восклицает Даня.

– Слышь, не грузи, а... Лучше расскажи, как все прошло?

– Как прошло, так уж не выйдет, – хмыкает он, – Нормально все. Щас приду – расскажу.

– Жду...

Вешаю трубку. Уже легче. Как будто груз с плеч свалился. Но голова все еще болит! Достая из шкафчика упаковку аспирина, глотаю сразу две... нет, не глотаются. Прилипли где-то там, внутри. Вновь лезу в холодильник за соком. И тут взгляд натывается на знакомую, настолько приятную картину, что таблетки сразу растворяются, смытые обильной слюной: на нижней полке стоит баллон пива и нераскрытая пачка крабовых палочек. Пить пиво с этими дарами моря меня приучил Даня. Я как-то больше на чипсы налегал, а он все время или крабов, или креветок поглощал. Попробовал как-то и я, понравилось. Так и ловим кайф с тех пор вдвоем. Остальные приятели предпочитают пиво безо всего, «с пивом», как они сами говорят. Ну, в крайнем случае, с воблой. А рыбу ни я, ни Даня не любим. Вот ведь, опять меня понесло. И где, черт побери, мой БОКАЛ???

Баллон с легким шипением открывается, пены нет – пиво холодное, и я тонкой струйкой наливаю его в пивную кружку. Мой любимый бокал, емкостью около литра, куда-то пропал... Ничего, сейчас оклемаюсь – вспомню.

Только Дани для компании и не хватает. Полное его имя – Данила, но в нашей компании все называют его любя – Даня. На него всегда и во всем можно положиться. А еще он мастерски выпутывается из любых передраг. Короче, наш талисман. Он с детства был самым шустрым, всегда знающим все новости, и, кроме того, Даня умело использует все и вся в своих целях. М-да, много воды утекло с тех пор...

Постепенно, вместе с убывающим стремительно живительным напитком, в голове начинают роиться мысли. До этого они прятались в отдаленных уголках лабиринта извилин, а теперь поперли наружу. И память стала неожиданно возвращаться.

Вчера, значит, после тренировки, я не пошел домой, а по заведенной традиции отправился с Даней и еще двумя близкими товарищами, Марселем и Валькой, в летнее кафе. Нет ничего приятней, чем пропустить после утомительного спарринга кружку-другую пива. Это невероятное сочетание спорта и вредных привычек при кажущейся абсурдности на деле вовсе не представляется чем-то из ряда вон. Вчера на пиве не остановились. Взяли водки, между делом затащили за наш столик двух проходящих мимо девчонок лет семнадцати, напоили их. Потом, кажется, поднялся сильный ветер, и наш столик вместе с зонтиком от солнца просто-напросто сдуло. А на столике – много неоткрытых еще бутылок, шашлык, и прочая мелкая снедь, именуемая обычно закуской...

О, теперь понятно, почему ноет опухшая кисть. Хозяин этой шашлычной самым суровым образом был наказан за то, что не удосужился прибить столы к асфальту. Когда его порядком помятая глухо стонущая туша откатилась куда-то за шатер, мы перевернули вверх дном закрома этого кавказского буржуина и забрали из кассы часть денег, исключительно дабы покрыть убытки и моральный ущерб. Девчонки в ужасе скрылись в неизвестном направлении. А мы ничего и никого не боялись, но веселиться, тем не менее, уже не хотелось. Мы с Даней пошли в одну сторону, Марсель с Валькой – в другую. У Дани во дворе мы, помнится, выпили еще пива, и решили, что с завтрашнего дня – ни-ни, плотно занимаемся спортом и вообще копим деньги на джип. Джип мы хотели купить уже давно, и на каждой совместной пьянке обсуждали, как будем ездить, кто по каким дням за рулем.

Что происходило дальше, я помню смутно...

Звонок в дверь раздался настолько неожиданно, что я вздрогнул и расплескал по столу остатки пива. Ну, Даня, бежать тебе теперь до ларька...

За дверью, впрочем, стоял вовсе не мой товарищ. Там оказался сосед с забинтованной головой, который сначала долго мялся.

– Толян, чего тебе? – не вытерпел я.

– Илья, я... это... извини, а? – с видом раскаявшегося грешника начинает тот.

Вот чудак!

– За что это? – недоуменно протягиваю я.

– Да за вчерашнее. Я, понимаешь, выпил лишнего...

– А я какой, по-твоему, вчера был, – хохотнул я. – Трезвый, что ли? Это же не означает, что я вот сейчас побегу просить у всех прощения.

– Да не... Повздорили мы с тобой. Вот я и зашел извиниться, – сосед явно нервничал, – А осколки я все подмел, ты не волнуйся.

– Какие еще осколки, ты чего, не проспался?

– Дык, ты меня вчера стаканом ударил. Вон и башка вся в бинтах, – слезливо пожаловался он.

Начинаю понимать, почему не мог бокал найти. Но вместо досады почему-то накатывает неудержимый смех. Приступ хохота продолжается около минуты. Все это время сосед, словно грустный тюлень, стоит и недоуменно хлопает красными с перепоя глазами.

– Ох, Толян... И за что это я тебя? А, ладно, неважно. Слушай, держи полтинник, иди опохмелись. Я сегодня добрый.

Сосед мой, словно укушенный в мягкое место осой, помчался вприпрыжку по лестнице вниз, не забыв, впрочем, поблагодарить. Глядя на него, я, честное слово, поражаюсь. Достается

ему на орехи постоянно, как от меня, так и от моих приятелей. Характер у него в подпитии склочный. Не дай Бог никому такого скандалиста по соседству: как начнет блажить на весь подъезд, так никакого покоя от него. Пока не навтыкаешь. И всегда он на следующий день извиняться ко мне бежит. Если дома не застает – у подъезда дожидается. Иногда даю ему на водку. Но временами незадачливому забияке достается по-новой, если попадает под горячую руку.

Только успеваю закрыть дверь, как она начинает сотрясаться под шквалом мощных ударов. Вот и Даня пожаловал. С тех пор, как с помощью его многочисленных связей мне установили металлическую дверь, он постоянно проверяет ее на прочность, каждый раз жизнерадостно уверяя меня в пользе такого приобретения. Ну что ж, «отворяю калитку» вторично. Даня вламывается, словно боевой слон, бросает в кресло подозрительно звякнувший пакет, скидывает кроссовки и несется, топоча ногами, без лишних слов в туалет. Я молча прохожу на кухню, по пути проверяя содержимое пакета, и, к огромному удовлетворению, достаю из него на кухонный стол пару бутылок водки, упаковку баночного пива и мощный кусок буженины. Дане явно не терпится отметить какое-то важное событие. М-да, на джип начинаем копить завтра...

На окне, в металлической клетке, истошно завопила и заметалась птица. Это мой попугайчик, «последний из могикан». Изначально в моей квартире поселились пять птиц, но четверо уже скончались. Самочка, оставшись в одиночестве, вопреки написанному в книге о пернатых домашних любимцах, не стала грустить. Но вот характер ее изменился далеко не в лучшую сторону. Она стала сварлива, капризна и приобрела все повадки настоящей стервы. Сколько я ни пытался отучить свою питомицу от диких криков щелчками по крючковатому клюву, она с каждым разом лишь все больше свирепела и, с небывалой для хрупкой птички отвагой, вся оцетинившись перьями, за счет чего, зрительно становилась гораздо крупнее, бросалась, сломя голову, на карающий перст, и клевалась до изнеможения. Кто кого больше дрессирует, я так до сих пор и не пойму. Если ей хочется есть, а корм закончился или чем-либо не удовлетворяет ее, птица, истерично вскрикивая, начинает биться о прутья клетки. Эти ее постоянные акты мнимой готовности к самоубийству, тем не менее, достигают цели: я несусь на рынок в поисках птичьих деликатесов, обрывая по пути свежую зелень с кустов, если, конечно, лето на дворе. Вот и сейчас ей что-то надо. Но в данный момент просто не до нее.

– Мальвина, заткнись, а? По-хорошему прошу, – и я погрозил ей кулаком.

Птица, будучи постоянным свидетелем моих гулянок, видимо сообразила, что момент, действительно, неподходящий. И, как ни странно, успокоилась. Распушив оперение, она устроилась на жердочке и стала похожа на большой, спелый, грозящий вот-вот сорваться с ветки, лимон.

Только успел я разлить по рюмкам водку и нарезать изумительно пахнущее мясо, как Даня уже был тут как тут. Это тоже одна из его наиболее ярких и порой просто необъяснимых способностей: там, где назревает пьянка, он всегда непременно появляется, и всегда вовремя.

– Ффф, – не успев отдышаться, только и произнес он, – Как же я задолбался к тебе бегать. И когда у вас лифт починят?!

– Когда-когда... Займись этой проблемой, если энергию девать некуда...

– А не пойти ли тебе? Ладно, будь, – и он, чокнувшись с моей стоящей на столе рюмкой, незамедлительно опорожнил свою. – Ааах, хорошо пошла, мерзавка, – выдохнул Даня, и подцепил вилкой мясо.

Я тоже выпил, и выжидающе посмотрел на друга.

– Че смотришь-то? На стрелы надо ходить, а не спать до вечера...

– Ты давай, ближе к «телу», – не утерпел я.

– Да все нормально! Встретились мы с этими баранами в «Чайке», посидели, попи..ели. Один у них бычку включил, типа «наше место, наше»... А тут Михалыч подтянулся, да не один, а с Калейкиным. Так этот, ну, который бурогвозить начал, сразу язык в ж..пу засунул. Короче, отвоевали. Так че, будем сами-то там че-нить открывать?

– Михалыч, говоришь... – задумчиво протянул я.

– Да не гони, они про азера пробили сразу. Это Пашин коммерс, а Паша нам кругленькую сумму бабок должен, так что пусть сам и разбирается.

Ну вот, и еще одна проблема отпала. Значит, с милицией по этому поводу никаких стычек не предвидится – Паша «замнет».

– Так за это же надо выпить, Даня!

– Ну, так наливай, чего сидишь-то!

Мы чокнулись, выпили, и пригласили на радостях двух наших милых подруг. Кристинка с Нелей всегда с радостью составляли нам компанию. Не отказались и в этот раз. Даня по-молодецки слетал за шампанским, и мы пили на брудершафт с нашими девушками, потом некоторое время развлекались парами в разных комнатах, потом опять пили. Короче говоря, день удался на славу.

Глава 2

Позже, уже глубоким вечером, мы с Даней шли по улице, обнявшись, и горланили какую-то песню. И море нам, как говорится, по колено.

– Слышь, Илюх, ну вот разве плохо мы живем? – оборвав незатейливый мотивчик, жизнерадостно спросил мой товарищ. – Каждый день куражмся, бабки у нас водятся всегда. Вот на джип только накопим. И вообще, жизнь прекрасна и изумительна... если выпить предварительно.

Тут Даня расхохотался, и так это у него получилось задорно и заразительно, что я тоже не удержался. Просмеявшись, мы решили заглянуть к Марселю, пригласить его подышать свежим воздухом, а заодно и выпить чего-нибудь горячительного. По дороге зашли в небольшой магазинчик, чтобы скрасить дорогу пивом.

В единственном отделе, сочетающем продуктовую лавку и газетный киоск – не продохнуть. Стайка каких-то серых мужичков с сизыми носами неприветливо шурилась на продавщицу, не соглашавшуюся «простить» им недостающие два с полтиной; молодая мамаша с маленьким ребенком в рюкзаке устало вздыхала, выстаивая длинную очередь; какой-то здоровенный бугай на удивление тонким голосом вопрошал – кто последний. Даня, чувствуя себя наиболее привилегированным классом, в очереди стоять не захотел. Грубо растолкав сизоносых страдалцев, он протиснулся к кассе.

– Э, девушка, нам бы пива пару, и... этих, – тут он быстро оглядел близлежащий ассортимент закусок к пиву, – креветок.

Продавщица натянуто улыбнулась под прицелом угрожающих глаз, и на полусогнутых засеменила вдоль прилавка:

– А вам какое?

– Нам, – хохотнул Даня, – самое лучшее!

Тем же макарон мой товарищ покинул очередь, и мы вышли на свежий воздух, каждый ощущая в руке приятную тяжесть баночки «Варштайнер».

– Илюха, пошли к Марсу! Выдернем, а то он у мадамы этой совсем загостился, скоро мхом покроется!

– Точно. Не пойму, что он в ней нашел? Таких как она на любом вещевом рынке толпы горланят.

– Да ладно! Не всем же интеллигенцию подавай, как тебе...

До конца озвучить блестящую мысль Даня не успел. У обочины скрипнула тормозами темная, вишневого цвета, девятка, из которой на манер чеченских террористов выскочили четверо здоровых парней в камуфляже и масках, с автоматами наперевес.

– Стоять на месте!

Один из подскочивших ударил Даню прикладом поддых, а затем и по спине, после чего мой товарищ обрушился в придорожную пыль бесформенным кулем, успев только глухо вскрикнуть. Спустя несколько секунд та же участь постигла и меня, с той лишь разницей, что удар пришелся не в солнечное сплетение, а прямо в лицо. Я отключился мгновенно.

...мне ужасно не хочется идти на урок музыки. Все друзья гоняют на улице мяч, лазают по деревьям, разминаются на спортивной площадке, а я, со скрипкой в руке, шагаю, словно заключенный на Голгофу, несущий на себе крест. Весна прочно вступила в свои права, снег тает, весело звенят ручьи, и им задорно вторят синички. Ко мне подбегает старшеклассник:

– Эй, скрипач, а ну-ка сыграй что-нибудь!

– Не буду я тебе ничего играть..., – пробурчал я.

– Ах, так, ну тогда вот тебе, – и он с разбегу приземляется в лужу, и брызги, даже не брызги – волны грязной холодной воды, обливают меня с ног до головы...

...вот черт! Что за невезуха! Ну почему я опять просыпаюсь с головной болью?! Да и сыро как-то, будто после дождя. И что за сны такие дурацкие. То менты снятся, то в детство выпадаю...

– Ха, очнулся один! Давай, гоблин, поднимайся! Нехрен тут из себя целку строить!

Во попали! Так менты – не сон...

– Слышь, вставай, да только «башню» не поднимай, и руки за голову!

Поднимаюсь на ноги, краем глаза вижу распростертое тело Дани. Ему на голову с гаденьким смешком один из «масок» выливает ведро воды. Даня в момент, с громкими матюгами, открывает глаза.

– Ишь ты, горластый какой, – поливавший впечатывает с размаху ботинок в бок моему другу.

– Ааа, больно... Хорош, командир, че творишь...

– Ну-ка вскочил, придурок, и руки в гору!

Даня медленно поднимается и нехотя водружает руки на обшарпанную стену.

– Слышь, старшой, а в чем дело-то? С какого, – тут Даня опять не успел закончить мысль. Пятнистый ударил его дубинкой меж лопаток.

– Да вы че творите!

– Заткнись, урод, и слушай! Твое дело сейчас телячье – хлопать зенками и внимательно ловить каждое мое слово, – прогавкал, по праву старшинства, этот Цербер, будучи явно выше

остальных по званию, – Наш начальник на вашей гребаной стоянке «Ниву» ставит. Так вот у него сегодня ночью все колеса сняли. Это что, ваша благодарность за то, что мы вам воздух до сих пор не перекрыли?

– Да в чем проблема, командир, фирма заплатит...

– Заткнись, последний раз говорю. Еще раз встрянешь – буду тебя убивать, медленно и жестоко, – мент рассмеялся, и эхом отдавался в замкнутом помещении дружный хохот остальных «пятен». – Вы что думаете, самые крутые? Щас всмятку станете...

Ну, тут уж «маски» разошлись не на шутку. Удары по почкам и ногам градом посыпались на меня и моего друга. Истязание продолжалось около минуты, даже меньше, мне же казалось – часа четыре...

– Теперь, уроды, сделаете так! Машина стоит там же, и чтобы завтра утром она стояла на колесах! Они, кстати, новые были...

– Да о чем базар, старшой, все это можно ведь и так объяснить, на словах...

– С вами, придурками, на словах общаться мне, офицеру, запахло! Я вас, гниль, рвал, и рвать буду! Совсем охренели, бля, ничего не боятся, тоже мне, хозяева жизни! Глаза в землю!

И нас вывели, усадили в машину, и отвезли туда же, где и взяли. Даже пивные банки на том же месте валялись, – никто не позарился. Вот почему так всегда: если день начался хорошо, то к вечеру он, как правило, портится?!

– Козлы краснопузые! – в сердцах крикнул вслед отъезжающей девятке Даня.

– Да уж. Я вот только одного не пойму – почему мы об этой пропаже от мусоров узнаем, а? Где этот долбанный охранник? Почему мы не в курсе?

– Охранник? А он, кстати, здесь недалеко живет... Айда-ка, зайдем...

Первый этаж панельной пятиэтажки, пропахший кошками подъезд, обшарпанная деревянная дверь с полустертым номером. Здесь и обитает наш нерадивый сторож. Ну что же, скоро кому-то станет больно...

– Дань, позвони, и в подъезд его «вытягивай».

– Ладно, сейчас.

Даня позвонил раз, позвонил другой. Никакой реакции за дверью.

– Не, он че там, умер, что ли? – Даня принялся методично молотить в дверь кулаком.

– Слышь, время уже позднее, ты сейчас весь подъезд перебудишь! Прекращай, пошли на стоянку. У меня там, в «москвичонке» старом, в багажнике, три запаски есть – как раз на «Ниву».

– Так это не ты ли снял-то? – хохотнул Даня.

– Юморист! Но нам еще одна нужна. Что будем делать?

– Да ладно тебе, не в первый раз замужем...

Недостающее колесо сняли в соседнем дворе. Что за народ упрямый такой, ведь говорят им – ставьте на охраняемую стоянку средства передвижения, воруют в районе. Нет, не понимают. Или никогда не слышали поговорку, что скупой платит дважды. Приходится наказывать.

На стоянке сегодня дежурил наш школьный приятель с колоритным погонялом Толкин. Весь его вид говорил о том, что он бедствует. Мы с Даней предложили ему довольно непыльную работу. За ночь, кстати говоря, охране выходило вполне прилично. Мы снимали определенную, фиксированную сумму каждый день, а остальное вахта забирала себе в карман. Толкин под нашим чутким руководством поставил все четыре колеса на беспомощную, словно выброшенный на берег кит, зависшую на кирпичиках машину, и мы с Даней, забрав выручку, пошли по домам.

– Так, дружище, завтра часов в одиннадцать – у меня. Да, и Марсея с Вальком курсани!

– А ты сам-то веришь, что в такую рань проснешься? А то придется нам, как в прошлый раз, опять в дверь долбиться.

– Не гони, я будильник заведу.

На том и расстались. Табличка с номером 36 на фоне серой стены с вкраплениями неизвестного камушка тускло отсвечивала в полуночной мгле. Я взбежал на шестой этаж, по пути наградив щедрым пинком крупного серого соседского кота, который сосредоточенно метил батарею пустых бутылок на полу.

Дома на кухонном столе уныло царил беспорядок – остатки дневного пиршества. Я невольно поморщился, но убираться не стал – лучше завтра Кристинку приведу, пусть все вымоет. Да и вообще, пришло время генеральной уборки. Эх, подружки мои, пора вам вновь создавать уют в моей холостяцкой квартире!

Снедаемый подобными мыслями, я завалился спать. Предстоял непростой день.

Глава 3

...еще в детском садике, когда мне не исполнилось и пяти лет, я уже читал книжки всей группе.

– Илюша, – ласково звала меня воспитательница, – почитай сегодня «Колобка».

И я читал эту наивную сказку вслух, хотя сам уже давно заглядывался на большую, в красочной обложке, книжку Носова, «Приключения Незнайки». Остальные дети смирно сидели на маленьких стульчиках вокруг меня, и внимательно, не шелохнувшись, слушали. Для некоторых, вероятно, сей процесс представлял непостижимым таинством. Самые шустрые шалуны восторженно замирали, внимая каждому слову. Кто кроме детей может так хорошо понимать речь ребенка?! Только они сами...

Мама не могла нарадоваться, когда приходила забирать маленького сына каждый вечер. А мне, в свою очередь, нравилось и отношение воспитателей, и их похвалы. А еще нравилось чувствовать себя особенным и нужным...

Проснулся я до звонка будильника. Пару минут полежал, собираясь с мыслями, потом встал, поплескался в ванной под душем, смывая прохладными струями остатки сна. Зеркало явило безрадостный образ: на переносице багровела внушительных размеров ссадина. Много-страдальный нос многое претерпел на своем веку, да и занятия боксом оставили неизгладимый отпечаток, но прикладом... Прикладом ему досталось первый раз.

На кухне обнаружил, среди прочего, несколько банок пива. Так, с алкоголем пока повременю. Ограничившись кофе и тремя бутербродами, я начал обдумывать предстоящую операцию. Дело, в общем-то, простое, но подготовка к любой, даже самой легкой акции, требует четкого плана...

...Вовсю светило солнце. Жара стояла прямо-таки изнуряющая. Марс стоял на крыльце новой парикмахерской, открытой на днях, совсем недавно, и лениво шурился на прохожих. Серая полосатая кошка без хвоста сосредоточенно протрусила мимо, по таинственным, одной ей ведомым делам, спугнув одинокого воробья, купавшегося в дорожной пыли. Эх, в такой бы день, да на пляж! Но дело – прежде всего.

– Короче, Марс, там только охранник и телка какая-то. Она, похоже, и стрижет, – сообщил вышедший из здания Валек.

– Ну так пошли, теперь мы ее пострижем! – криво усмехнулся Марсель.

В помещении царил полумрак и прохлада. Открыв рывком дверь, ведущую в парикмахерскую, приятели скользнули внутрь. В комнате, оборудованной лишь самыми необходимыми, и явно подержанными принадлежностями для стрижки-укладки-завивки, в кресле, предназначенном для клиентов, сидела девушка лет двадцати пяти в розовеньком фартучке, да еще в углу, на ветхом стуле, прыщавый парень невзрачной наружности в черной, форменной спецовке с надписью «Охрана» на спине.

Марсель презрительно смерил смешавшегося «секьюрити» взглядом, и тот, всем видом выражая смирение и полнейшую апатию, тенью испарился за дверь в какое-то смежное помещение.

– Там сидела Мурка, в кожаной тужурке, – мурлыкая знакомую песенку, Валька подошел к девушке и положил ей руку на плечо. – Ну что, красавица, как бизнес? Процветает?

– Что? – девчонка не ожидала подобной фамильярности и невольно вздрогнула.

– Да не бойсь, не такие уж мы и страшные, – ослабившись, пророкотал от двери Марс, и перешел к делу, – Нам бы с хозяином твоим перетереть.

– А в чем дело? Что вы, собственно, хотите?

Вот наивная... Типичная для «братков» внешность и вызывающее поведение двух парней однозначно давали понять, что они хотят...

– Да ты лучше скажи, как с вашим боссом встретиться. Че тебе-то встревать? Меньше знаешь...

– ...Лучше спишь, – закончил мрачно Марс.

– Это моя парикмахерская, – растерянно произнесла девушка, хлопая васильковыми глазами, – у меня просто денег пока нет, чтобы штат нанимать...

– Ну тогда такой разговор: открылась ты здесь, у нас дома, можно сказать, и тебе понадобится охрана, чтобы не случилось чего...

– Да у меня есть охранник, – попыталась возразить синеглазая шатенка.

– Ты не перебивай, подруга. Твоя охрана – фуфло! Вон твой рекс убежал, только нас завидев, и даже не гавкнул. А мы тебе предлагаем надежную защиту.

Через полуоткрытое окно в комнату доносились отголоски улицы. Где-то неподалеку скрипнула тормозами машина.

– Значит, крышу предлагаете, я вас правильно поняла? А если я не нуждаюсь? – девушка неожиданно сменила тон на более уверенный.

– Да как же не нуждаешься? У нас район беспокойный, мало ли что, – продолжил было увещевать ее Валек.

– Да что ты с ней треплешься! – не на шутку осерчал Марс, – Короче, тридцать процентов прибыли ежемесячно – нам, а не то...

– А то – что? – раздался от входной двери уверенный бас.

В небольшое помещение вошли трое здоровых мужиков, лет под сорок каждый. Мордастые, потные, с отвисшими пивными животами, они повели себя уверенно и нагло.

– А что ты сделаешь, а? – начал один, – Здесь и без тебя хватает охраны, и никакие рэкетеры говенные ничего не добьются! Понял, ты, щенок?

– Ты кому это говоришь, хрен старый? – вспылil Валька, но буквально в это же мгновение толстый – пальцы сардельками – волосатый кулак беззвучно влип ему в челюсть.

Тогда завязалась потасовка, но с тремя здоровенными мужиками два молодых парня сделать ничего не смогли. Позже, рассказывая мне все детали происшедшего, они недоумевали, как вообще ТАКОЕ могло произойти... Их, грозу местных торгашей, так бесцеремонно осадили в тот самый момент, когда они занимались привычным ремеслом. Нет, это все явно не по понятиям, и дерзкие самозванцы заслужили самой суровой кары...

Воспоминания прервал привычный грохот – Даня разошелся, усердствуя за дверью. Думает, что сплю.

– Иду, не молоти..., – крикнул я, и пошел открывать.

За дверью кроме Даньки топтались и Марс с Валькой.

– Здорово, Илья, – по очереди поприветствовали меня все трое.

От Дани шел явный запах спиртного. Я недовольно поморщился:

– Дань, ну я же просил...

– Да я всего одну бутылочку и выпил! – буркнул он, и тут же разразился сердитой тирадой, – И вообще, хорош тут мораль читать. Че мне, Калейкина с Михалычем не хватает? Или остальных старших? И так всю плешь проели, что бухаем много, так и ты туда же...

– Все, проехали. Проходите в комнату...

– А может лучше на кухню? – спросил Марсель, намекая на «дары Бахуса».

– Ага, если посуду всю заодно помоешь! А насчет пьянки – сейчас нельзя! Если только вечером, как дело сделаем. Или как, оно мне больше всех надо? Это меня, может, за шкуру с новой «точки» выкинули?

– Да ладно, не кипятись ты, я пошутил!

В комнате Даня сразу же сел за компьютер.

– Илюх, а что это за сайт, о котором тогда на сборах базарили? Типа, шлюх можно снять?

– Слышь, ты, любитель клубнички, сейчас пойдет серьезный разговор. Так что завязывай...

Даня насупился, но уже через мгновение невозмутимо рубился в какую-то игрушку-шутер. Его всегда отличала способность быстро перескакивать с одного на другое.

Марсель с Валькой заняли два кресла, оставив мне незаправленный диван. Ладно, я не гордый...

– Короче, базар такой. Все согласны, что этих уродов надо наказать?

– Да о чем речь! – загалдели друзья.

– Значит, потом все издержки вытягиваем вместе. Чтобы не возникли потом такие гнилые речи, типа «моя хата с краю», – я медленно перевел взгляд на Марса. – Это тебя, между прочим, касается больше всего.

– Ты мне что, всю жизнь пенять будешь? У меня тогда подруга хворала, не мог я ее кинуть, тысячу раз уже объяснял...

– Хрен с ним. Только вот сейчас, хоть она у тебя рожать станет, к ней не пойдешь, если что не заладится!

– Да ладно, сказал уже, – недовольно буркнул тот.

– В общем, план прост, как и все гениальное, – продолжил я, и вслед за моими словами из угла, где стоял компьютерный стол, незамедлительно раздалось громкое фырканье. – Молодые через час подтянут на стоянку бутылки с бензином и «киндер-сюрпризы», – киндер-сюрпризами мы называли сделанные вручную мини-лимонки из газовых баллончиков для сифонов, которые осуществляли скорее функции устрашения, нежели причинения вреда для здоровья, – И к двум нам надо быть уже на месте.

– Илюх, да ты, никак, сдурел? Среди бела дня хочешь отработаться?! – у Дани глаза на лоб полезли.

– Да, именно среди бела дня! А кого тут бояться? Участкового? Этот чайник всю жизнь без плетки ходит – что он сможет? Да и не такой он дурак, не станет связываться. У него жена, дети. А днем – наиболее устрашающе получится. И сам факт, что мы в любое время суток можем учинить все, что захотим, и наказать неугодных, только добавит авторитета.

– Согласен с тобой. Только все равно как-то... привычной ночью, – все еще колебался Валек.

– Ночью понтов мало, никто не увидит. А нам надо, чтобы все видели. Только чтоб нас там не узнали. Именно поэтому вы оба останетесь в машине, и только в случае, если что пойдет не по плану, подтягивайтесь. Или нет, лучше шмальните пару раз из салона в воздух. Самых сердобольных зевак как ветром сдует! Всем все ясно?

– Вот опять он босса из себя корчит, – проворчал от компьютера Даня.

Глава 4

Все прошло гладко. Подъехали к парикмахерской. Мы с Даней, одетые в старые, линялые джинсы и рубашки, с полиэтиленовыми пакетами в руках, направились к боковым окнам заведения. Какие-то детишки с визгом резвились в соседнем дворе. Прямо напротив, возле подсобки магазина, из фургона выгружали продукты. Древние старушки о чем-то судачили на лавке возле подъезда. Пешеходы задумчиво спешили по неотложным делам. На нас никто не обращал внимания. Только грязная собачка, болонка, вся в клочьях желтой свалывшейся шерсти, отбежала в сторону и, остановившись, с надеждой посмотрела на пакеты. Нет, песик, вот пожрать-то мы тебе и не захватили...

– Так, Дань, не суетись. Когда до окон около метра останется, распаковывайся и действуй.

– Ой, ну вот давай, учи еще меня, – Даня по привычке взбрыкнул, словно необъезженный жеребец.

– Короче, жертвы нам не нужны, но если кого заденет внутри – ничего страшного. Так и так потом «гаситься» с недельку придется.

Все, мы на месте. Почти синхронно достаем завернутые в газету бутылки с бензином... я запаливаю фитиль... раз, два... кидаю! Даня делает то же самое, лишь с небольшой задержкой. Некоторое время, которое становится тягуче-резиновым, ничего не происходит. Но вот раздается первый хлопок – так, мой подарок достиг цели, стекло разбито и полыхает огнем деревянная рама. Бутылка Дани, словно торпеда, влетает с глухим гулом внутрь и разбивается там. Теперь настал черед «киндер-сюрпризов». Тут самое главное вовремя выкинуть, потому как время до детонации не регулируется ввиду несовершенства конструкции, и предугадать, когда же они взорвутся, невозможно. Такая «петарда» может и в руке рвануть. А это ой как нехорошо! На память приходит случай, когда какой-то дятел наготовил подобных игрушек с десятков, потом решил одну испытать... остался без кисти руки. Так мало того, «до кучи» по факту взрыва у него сделали дома обыск, и нашли весь «арсенал». «Загремел» этот Кулибин лет на пять, не меньше.

Но у нас и тут все прошло без сучка, без задоринки. Одна за другой, словно взбешенные пчелы, «лимонки» с назойливым жужжанием залетают в помещение. Все, дело сделано. Четыре хлопка звучат уже нам в спины. Раздается чей-то визг, плач, звенит разбившееся стекло. Садимся в машину, и Марсель с ускорением срывается с места. И хотя все прошло по плану, меня не отпускает непонятное щемящее чувство...

...помню первый день в школе. Тогда еще маленький, белобрысый шкет, я, с огромным букетом гладиолусов в руках и новеньким ранцем за плечами, в синей школьной форме, стоял среди таких же новичков на площадке перед крыльцом. О школе я знал лишь немного, что обычно рассказывала старшая сестра: там трудно и «заставляют учиться». Когда, после первого в моей жизни школьного звонка, неровным строем, «за ручку», мы длинной, пестрящей самыми разнообразными букетами вереницей потянулись ко входу, я лишь на мгновение зажмурился и подумал: «Ну вот, теперь-то непременно начнутся трудности». К счастью, ожидания не оправдались. Писать загогулины в прописи и считать флажки и звездочки я умел уже в детском саду. Да и сами занятия показались мне очень интересными. Короче, учился я с удовольствием, сразу прочно заняв место одного из первых учеников класса.

С первых дней, дабы я «не мотался по улице», мама отдала меня в музыкальную школу. Помню, меня просто очаровала скрипка: чудесная лиричная мелодия, льющаяся из-под смычка, достигла цели, – я был сражен наповал! Ежедневные занятия не оставляли ни минуты свободного времени, что, впрочем, не мешало мне подружиться с Даней. С 1-го сентября мы волею судьбы оказались за одной партой. Даня, несколько полный, здоровый и весьма шустрый мальчуган очень гармонично дополнял меня, маленького, худощавого и чрезвычайно застенчивого. Он постоянно травил анекдоты, услышанные от старшего брата, и классно рисовал карикатуры. А еще Даня любил подстраивать различные шутки и мелкие пакости одноклассникам, хотя всегда попадался. А так как наша дружба не являлась ни для кого секретом, то и наказывали обычно обоих, хотя и несправедливо: мое поведение скорее могло послужить примером для подражания, так как я был тихоней и прилежным учеником. Уже тогда в моем сознании прочно укладывались кирпичики-мысли: за друзей надо отвечать как за себя самого, и помогать им во всем, даже и с нарушением норм и правил. Так, Дане хорошо давалась математика, но с русским языком частенько возникали проблемы. Он всегда, в том числе и на контрольных диктантах, списывал у меня. И мне же за это нередко влетало: оценку просто занижали...

– Так, сейчас я забегая домой, беру бабки, и рвем из города! – очнувшись, изрек я, когда мы въезжали во двор.

– Вот зашибись, хоть искупаемся! – радостно воскликнул Марс, – А то что за беспредел: уже третий день лета, а я еще не открыл купальный сезон!

– Да, ты денег больше возьми, а то я «макарошки» одни жрать не собираюсь, – добавил Даня.

Не суждено нам на джипе ездить. За неделю в подобном отпуске мы тратим больше, чем зарабатывает в месяц директор какой-нибудь молочной фабрики.

Время пролетело быстро. Марс, Валек и Даня ежедневно напивались, и к вечеру, как правило, лыка не вязали. Пару раз приводили каких-то подсытых лохудр, заплатив им гораздо больше, чем валютным проституткам. Я, запираясь вечерами в комнатке на втором этаже дачи моих знакомых, задумчиво смотрел на небо. Звездное небо прекрасно, и луна похожа на круглое окно в другое измерение. Грусть, копившаяся в душе, требовала выхода, и я пробовал излить ее на бумаге в тщетных попытках создать что-либо в стихотворной форме. Бесплодность творческих попыток только усугубляла неудовлетворение, и я тоже напивался, чтобы хоть как-то смягчить зудящую боль.

...

Уже около месяца прошло с момента нашего своеобразного налета на цирюльню. Мужичье, приехавшее на встречу, было нещадно бито железными обрезками трубы, прямо как в старые добрые времена, когда мы, неоперившиеся еще юнцы, схлестывались «стенка на стенку» с компанией таких же малолеток из соседнего двора или с другой улицы. Тогда в ход шли и кирпичи, и цепи, и арматурины, которые всегда можно найти на близлежащих садовых участках. Итак, все пошло своим чередом: девушка-хозяйка стала исправно вносить скромный вклад в наше благосостояние. История с ментовским начальником тоже, видимо, утратила остроту момента. Настала беззаботная пора с теми мелкими неурядицами, которые решались сразу же,

по мере возникновения: то барыга подотчетный деньги зажмет, то какие-то нахалы посуду побьют в одном из наших кафе, и уйдут, не заплатив и не извинившись. Барыга, после внушения, с радостью расставался с положенной долей налога, а нахалов находили в тот же день, еще пьяных, и наказывали, чаще довольно мягко. Спорт в виде бокса несколько раз в неделю да футбол в дворовой «коробке» по выходным, посещение многочисленных значных мест нашего города, – таким образом текли будни. На следующей неделе – мой день рождения, очередная пьянка в ресторане, в кругу друзей и коллег по общему делу. И ничего, казалось, не могло нарушить плавного течения жизни.

Глава 5

В конце лета у Вальки почти одновременно слегли бабушка и мать. Первая, ввиду довольно преклонного возраста – минуло уж восемьдесят лет, а вторая – в результате сильного стресса. Впрочем, стресс испытывали не только родные Вальки. Все дело в том, что, совершенно неожиданно мы все, вчетвером, загремели на нары. Никто себе даже представить не мог такого разворота событий...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.